

Copyright © 2018 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.
Copyright © 2018 by Sochi State University

Published in the Slovak Republic
Co-published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 47. Is. 1. pp. 292-301. 2018
DOI: 10.13187/bg.2018.1.292
Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

Muhajirun – the Reasons and Scales of Resettlement of Mountaineers of the Northwest Caucasus

Sergey J. Suschiy ^{a, *}, Anvar M. Mamadaliev ^{b, c}, Svetlana F. Artemova ^d

^a Southern Scientific Center of Russian Academy of Sciences, Russian Federation

^b International Network Center for Fundamental and Applied Research, Russian Federation

^c East European History Society, Russian Federation

^d Penza state university of architecture and construction, Russian Federation

Abstract

Throughout all Caucasian war mountain communities of the Northwest Caucasus kept their demographic potential. However, for a variety of reasons after military defeat they could not (or did not want) to adapt to the new situation in the quality of subjects of the Russian Empire. On transition from war to peace a vast majority of mountaineers of this subregion of Caucasus between the existing alternatives chose emigration. This decision and the following departure to the Ottoman Porte provoked cardinal ethnodemographic transformation of all Northwest Caucasus. For the mountaineers emigration ended up the huge number of victims (25–30 % of all immigrants died on the way). In the article information from different authors about scales of migration of various mountain communities and the losses suffered by them was used.

Further demographic, socio-political, sociocultural dynamics of mountain communities confirmed that those from them that preferred to stay in the North Caucasus historically won. However, this historical prize became completely obvious only in the second quarter of the 20th century, in many decades after completion of the Caucasian war.

Keywords: mahajirism, Caucasian war, highlanders of the Northwest Caucasus, ethno-demographic processes, demographic statistics.

1. Введение

Мухаджирство привлекло к себе внимание российского общества, в том числе и представителей различных профессиональных кругов (управленцев, военных экспертов, ученых и статистиков) уже непосредственно в период массового переселения горцев Северного Кавказа в Османскую Порту. Очевидно, что сам масштаб данного социального явления произвел сильное впечатление на современников. Не оставалась без внимания данная тема и в дальнейшем. Но пик публикаций приходится уже на постсоветские десятилетия, когда тема мухаджирства, вышла за рамки чисто научной дискуссии и приобрела осязаемый политический подтекст.

2. Материалы и методы

Статья основана на различных источниках информации, посвященных переселению горцев Северо-Западного Кавказа (СЗК) в Османскую Порту. Из дореволюционных работ посвященных данной теме выделим исследование А. Берже, собравшего статистику мухаджирства по отдельным крупным черкесским этноплеменным объединениям (*Берже, 1882*). Среди работ советского периода можно отметить монографию Г.А. Дзидзарии, после периода известного замалчивания данной темы, вернувшего ее в поле научной дискуссии (*Дзидзария, 1975*). Значительное число исследований

* Corresponding author

E-mail addresses: ss7707@mail.ru (S.J. Suschiy), anvarm@mail.ru (A.M. Mamadaliev)

посвященных различным аспектам мухаджирства появилось в последние 20–25 лет. Отметим работы Д.В. Жилыева (Жилыев, 2009), А.Х. Касумова (Касумов, Касумов, 1992), В.А. Матвеева (Матвеев, 2011), В.Н. Рябцева (Рябцев, 2012).

Принимая в расчет существенные расхождения в имеющейся статистике масштабов эмиграции и противоречивость выводов о причинах данного явления, в данной статье использовались общенаучные методы логического и сравнительного анализа различных источников информации.

3. Обсуждение и результаты

Как показывают расчеты, на протяжении всей Кавказской войны общая численность горцев СЗК, несмотря на известную сверхсмертность, связанную с боевыми потерями и гибелью мирного населения, представляла динамическую пульсацию в определенном количественном диапазоне (Кринко и др., 2017). Но если из войны черкесский мир вышел примерно с тем же демографическим потенциалом, с которым в нее включился, то первое послевоенное десятилетие обернулось для него демографической катастрофой. В начале 1860-х гг. численность черкесов по наиболее взвешенным оценкам составляла порядка 700–1000 тыс. человек (Кабузан, 1996), к концу же данного десятилетия в регионе осталось всего несколько десятков тысяч представителей различных черкесских сообществ.

Данное обстоятельство позволило наиболее политизированной части современных черкесских этноактивистов при поддержке ряда представителей научного сообщества поднять вопрос о геноциде черкесов в Российской империи. Но согласно Конвенции Главной Ассамблеи ООН, геноцид (от греч. γένος — род, племя и лат. caedo — убиваю) — представляет совокупность действий, совершаемых с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую, религиозную или иную исторически сложившуюся культурно-этническую группу как таковую путём: убийства членов этой группы; причинения тяжкого вреда их здоровью; мер, рассчитанных на предотвращение деторождения в такой группе; изъятия детей из семьи; предумышленного создания жизненных условий, рассчитанных на полное или частичное физическое уничтожение этой группы (Геноцид). Таким образом, геноцид — это фактический отказ той или иной этнической общности в праве на существование. Последовательный курс на ее полное уничтожение. «Перетерпеть» геноцид нельзя, приспособиться к нему невозможно. Если право на существование и социально-экономическую деятельность за общностью сохраняется, но оговариваются условия функционирования (например, место проживания данного социума, форма расселения, характер занятий и т.п.), речь идет только об ущемлении прав, но никак не о принципиальном истреблении.

Однако сама демографическая динамика черкесского населения, предпочтительнее после завершения Кавказской войны остаться на СЗК, отрицает наличие геноцидальной политики в его отношении со стороны Российского государства. За период 1897–1989 гг. численность национальных сообществ, представлявших разные этнокультурные ветви черкесского мира (включая кабардинцев), выросла в регионе со 141 тыс. до 542 тыс. человек. А в 2010 г. составляла почти 700 тыс. человек.

Детальному анализу причин массовой миграции горцев СЗК в 1860-е гг., как уже было сказано, посвящено значительное число исследований. Основные причины исхода горцев многократно озвучены в научной литературе. Едва ли к этому хорошо известному перечню можно прибавить нечто новое. Но имеет смысл определенным образом сгруппировать/классифицировать данные факторы, по возможности стараясь зафиксировать их общее соотношение. В первом приближении можно выделить три больших группы причин, различаемых по субъектам «заинтересованности», к которым можно причислить власти Российской империи и Османской Порты, а также сами черкесские сообщества (Табл. 1).

Таблица 1. Факторы, работавшие на массовую эмиграцию горцев в Турцию

Интересы российских властей	Интересы властей Османской Порты	Интересы и мотивы различных групп черкесских сообществ
По возможности как можно более значительное количественное сокращение многочисленного горского населения, демонстрировавшего устойчивое нежелание превращаться в политически лояльных власти имперских поданных; за полвека военных действий (два поколения) выработавшего и усвоившего традицию	Приобретение значительного массива населения обладавшего целым набором ценных качеств, среди которых: - принадлежность к «государственной» религии империи, укреплявшей позиции мусульман и ислама в поликонфессиональной Порте. - Отличные воинские характеристики черкесов, позволявшие заметно укрепить кадровый потенциал турецкой	Полувековая история вооруженного противостояния Российской империи, сделавшая для наиболее свободолюбивой части черкесов психологически неприемлемым существование в качестве побежденных под полным контролем победившего их врага. Уверенность части населения в преимуществах жизни «за морем», в пределах единовременной Османской

<p>вооруженного сопротивления Российской империи и соответственно нуждавшегося в длительной, сложной адаптации к новым условиям своего существования.</p>	<p>армии. Уже к 1840-м гг., задолго до массовой эмиграции горцев в Порту, черкесские военначальники занимали центральные позиции в военной администрации Османской империи (Хотко, 1993). Нет сомнения, что турецкие власти имели в виду военные качества горцев и серьезно рассчитывали на них.</p> <p>- Длительная история вооруженного противостояния горцев России (основного геополитического оппонента Порты), позволявшая рассчитывать на активное участие черкесов в будущих русско-турецких военных конфликтах, возникновение которых у турецких властей сомнений не вызывало.</p> <p>- Неукорененность черкесов, обеспечивавшая максимальную зависимость эмигрантов от турецких властей; а с другой стороны, облегчавшая задачу их расселения в районах империи, требовавших увеличения присутствия благонадежного мусульманского населения. При этом, подчиненное положение горцев позволяло власти при необходимости неоднократно переселять («перемещать») их в другие регионы страны, для решения аналогичных задач.</p>	<p>Порты, обусловленная в т.ч. активной пропагандисткой работой множества турецких эмиссаров.</p> <p>Стремление знатных черкесских фамилий сохранить свои права на крестьян и забрать их с собой в Турцию, где в отличие от России, отменившей в 1861 г. крепостное право, крепостнические порядки в данное время оставались весьма прочными (Матвеев 2011: 15; Cherkasov et al., 2015: 891).</p> <p>Протурецкая позиция мусульманского духовенства боявшегося утратить свои привилегии в «православной» империи (Матвеев, 2011: 13).</p> <p>Низкое качество земель предусмотренных для черкесов в местах их нового расселения, вынудившее часть колеблющегося населения в конце концов внутрикавказскому переселению предпочесть отъезд в Турцию (Черкесский вопрос, 2014: 204).</p> <p>Выбор эмиграции всё большим числом горцев, с определенного момента включивший своего рода «принцип домино», затягивавший в мухаджирство одну за другой все еще колеблющиеся группы населения и превращавший эмиграцию черкесов в их тотальный исход с СЗК.</p>
---	--	---

Нередко в качестве еще одной заинтересованной стороны в массовом исходе горцев за пределы Российской империи называют Британию (Матвеев, 2011b; Рябцев, 2012). Исследователи отмечают разнобразную включенность англичан в Кавказскую кампанию на стороне черкесов, посильное противодействие процессу комплексного закрепления России на СЗК и очевидную заинтересованность в сохранении очага напряженности и военного сопротивления в пределах новых южных владений империи.

Но если всё обстоит именно так, что подтверждается множественными фактами, то исход горцев был как раз предельно невыгоден Британии, которая лишалась действенного рычага давления на Россию. Снаружи российских границ горцы оказывались бесполезны для дестабилизирующей политики Британии, ориентированной на затягивание вооруженного конфликта¹. Черкесы были нужны именно внутри России, если уж не в роли ее вооруженных противников, то хотя бы в качестве высоко конфликтного населения всегда готового к социальному взрыву и новому витку открытого противостояния. Что было возможно только при сохранении мощного демографического потенциала черкесов в пределах СЗК. Тем самым, в «миграционном» вопросе интересы Британии и ее регионального союзника Турции оказывались противоположными, а у двух враждующих империй – Российской и Османской, наоборот, весьма сближенными.

Однако в черкесском вопросе против англичан сработала диалектика исторического процесса. Посильно поддерживая на протяжении длительного времени враждебность горцев по отношению к

¹ Ведь не поддерживать же эмигрантов на их новой Родине, что по сути означало бы трансформацию военной помощи борцам против российской экспансии, в материальную помощь вынужденным переселенцам, простую финансово-экономическую благотворительность.

Российской империи, Британия, тем самым, косвенно работала на массовый масштаб мухаджирства, последовавшего сразу после завершения Кавказской войны. Иными словами социально-психологические характеристики местного населения, в условиях вооруженного противостояния соответствовавшие британским интересам (и по возможности поощряемые Британией), после поражения горцев сработали вразрез с британским целеполаганием в регионе.

Вернувшись к анализу позиции российских властей, заметим, что системно они были ориентированы на добровольную интеграцию горцев Северного Кавказа в империю. И значительное число горских сообществ предпочло мирные формы вхождения в государственный состав России, так или иначе, найдя общий язык с имперскими властями. Данный компромисс, конечно, мог содержать серьезные элементы социально-политической капитуляции. Некоторые аспекты жизни таких горских сообществ с этого времени определялись не ими самими и не их собственной элитой, а российской администрацией. Но данная потеря была компенсирована многими положительными приобретениями в социально-экономической и социокультурной сфере, а, в конечном счете и в пространственно-расселенческом и социодемографическом аспектах, что полностью подтвердила дальнейшая история.

Упорным и продолжительным сопротивлением отличались на Северо-Восточном Кавказе чеченцы и часть горцев Дагестана; на западе региона – большая часть черкесских сообществ. Однако даже включившись в вооруженную борьбу с последними, российские власти не оставляли надежд на их замирение и привлечение на свою сторону. Хорошо известно, что в период Кавказской войны империя активно привлекала черкесов на свою сторону, давала им возможность получения образования, успешной армейской карьеры в качестве офицеров. Как результат, немалое число черкесов участвовало в Кавказской войне на стороне российской армии (Цветков, 2011: 79).

Очевидное свидетельство того, что уничтожение горцев не ставилось империей в качестве принципиальной задачи, и российские военно-административные власти, прежде всего, добивались от коренного населения региона политической лояльности. И были крайне разочарованы ограниченным числом черкесов в полной мере соответствовавших данному требованию.

Разнообразные формы поощрения черкесской эмиграции со стороны империи в середине 1860-х гг. были связаны как раз с тем, что после полувека военного противостояния значительная часть российских администраторов, занятых различными аспектами интеграции СЗК в состав России, уже не верила в способность местных горцев стать лояльными гражданами империи. В такой ситуации отъезд «неспокойного» горского населения представлялся лучшим выходом, как для самих потенциальных эмигрантов, так и для государства, которое они покидали.

Впрочем, полного единодушия по этому вопросу не было и среди российских гражданских и военных чинов, формировавших миграционную политику империи в регионе и ответственных за ее реализацию. «Сторонниками использования переселения горцев в качестве политического и военного инструмента завоевания Кавказа было военное руководство начальник Главного штаба Кавказской армии А.П. Карцов, начальник штаба войск Терской области И. Зотов), а также и некоторые крупные чиновники (Наместник Кавказа А.И. Барятинский, начальник Кубанской области Н.И. Евдокимов). Более умеренных, взвешенных взглядов на миграции придерживались военный советник при российском посольстве в Константинополе В.А. Франкини, генерал-фельдмаршал Д.А. Милютин, генерал-лейтенант Г.И. Филипсон, начальник Кабардинского округа В. Орбелиани» («Черкесский вопрос», 2014: 15).

Очевидно и то, что силовое соотношение представителей данных двух политических линий не было константой, меняясь в зависимости от сочетания множества конкретных факторов. Но в первой половине 1860-х гг. перевес определенно был на стороне сторонников поощрения миграции с целью «радикального» сокращения в регионе «проблемного» горского населения. С этой целью и был реализован политический курс двух стандартов: «официально российская администрация выступала с заявлениями, в которых она противодействовала горским переселениям в Османскую империю и декларировала миролюбие по отношению к горцам, но в действительности тайно или явно содействовала этому процессу» («Черкесский вопрос», 2014: 15-16). Отчасти даже провоцировала мухаджирство, которое многие российские высокопоставленные управленцы восприняли с удовлетворением и явным облегчением. Однако пресс, под которым в эти годы находились горцы, не включал механизм их тотального уничтожения и не предполагал его. Даже на финальном этапе Кавказской войны, в период последовательной капитуляции черкесских сообществ у горцев оставался выбор. Либо принять предлагаемые им новые условия жизнедеятельности (включая перемещение в другие районы проживания) либо отъезд в Турцию, под который даже выдавались определенные подъемные деньги.

Повторимся, «линейка» возможных вариантов действий у имперских властей была весьма ограниченной. Войну на СЗК надо было завершать. Победой (иного результата при наличии обширных владений в южном Закавказье быть не могло) и как можно быстрее, поскольку военная кампания обходилась империи очень дорого во всех отношениях. Военный министр империи Д.А. Милютин отмечал, что в последние годы Кавказской войны Россия была вынуждена держать в регионе армию почти в 300 тыс. человек, содержание которой обходилось ежегодно в 30 млн рублей (порядка одной шестой всего государственного дохода страны). При этом ежегодная убыль личного

состава доходили до 30 тыс. человек, подавляющая часть которых приходилась на различные небоевые потери (Милютин, 2004: 198).

Однако замирение горцев должно было быть надежным. Предыдущий полувековой опыт пульсирующей военной активности доказывал, что сохранение существующей системы расселения горских сообществ – компактной и глубоко утопленной в горы, надежного мира обеспечить не в состоянии. Особенно с учетом уже сложившейся у черкесов традиции вооруженной борьбы и наличия значительных демографических ресурсов, которые, как уже было сказано, абсолютно не были подорваны Кавказской войной. Итак, оставлять черкесов в горах было нельзя. Требовалось либо массово переселить их на равнину, либо обеспечить их перемещение за пределы империи. Заметим, что третий сценарий (истребление), по сути, и представлявший геноцид, российскими властями вообще не рассматривался.

Как отмечал один из наиболее активных организаторов и исполнителей «эмиграционного проекта» Н.И. Евдокимов: «переселение непокорных горцев в Турцию, без сомнения составляет важную государственную меру, способную окончить войну в кратчайший срок без большого напряжения с нашей стороны, но, во всяком случае, я всегда смотрел на эту меру как на вспомогательное средство покорения Западного Кавказа, которое дает возможность не доводить горцев до отчаяния и открывает свободный выход тем из них, которые предпочитают скорее смерть, чем покорность русскому правительству (разрядка наша – Авт.)» (Берже, 1882).

Как видим, последняя фраза свидетельствует о несомненном уважении русского генерала к уже побежденному противнику; констатирует присутствие в черкесских сообществах значительного числа гордых свободолюбивых людей, а с другой – указывает на понимание предельной сложности задачи надежного замирения горских сообществ, содержавших значительное число таких «непримиримых».

Объективно империя была заинтересована в сокращении столь проблемного населения «адаптация/перевоспитание» которого потребовали бы самых значительных усилий и долгого времени (речь должна была идти о смене поколений, то есть многих десятилетиях). И потому, предложив горцам на выбор два варианта, российские власти были в большей мере заинтересованы в их эмиграции. Как следствие, многие действия кавказской администрации были, так или иначе, направлены на выдавливание горцев за пределы государства.

Однако окончательный выбор оставался за самими черкесами. Безусловно, это была историческая ситуация, когда горцам требовалось выбирать между «плохим» и «плохим». И важно было разобраться, что хуже. Сложнейшая дилемма, если крайне расплывчато представляешь, какой может быть твоя будущая участь под властью русского царя, в пределах «православной» империи, и совсем не знаешь, что ожидает тебя, на чужбине. Но русское «плохо» горцы в самых общих чертах представляли, а чужбина была полной неизвестностью, заманчивой своими надеждами.

Существенную роль в этом судьбоносном выборе сыграла деятельность многочисленных турецких эмиссаров, активно «рекламировавших» горцам жизнь на новой родине. Показательно, что именно СЗК, субрегион, находившийся в зоне максимального влияния Османской Порты, дал подавляющую массу мухаджиров. Другое дело, что российские власти не препятствовали пропаганде турецких эмиссаров. А зачастую речь шла о негласной поддержке их деятельности. Более того, проводилась пропаганда аналогичных идей силами горцев, состоявших на российской военной службе. Кроме того поощрялась миграция старейших и наиболее авторитетных представителей кавказских родов, стимулировавшая выезд за пределы Северного Кавказа остальных их представителей («Черкесский вопрос», 2014: 16).

В результате работы всех перечисленных факторов, при сопоставимой численности населения, адыго-черкесский субрегион Северного Кавказа дал до 87–88 % всех эмигрантов (включая 6 % прикубанских ногайцев), тогда как на чеченцев, осетин и других представителей сообществ центрального и восточного Кавказа пришлось только 12–13 % (рассчитано по: Шеуджен, 2004: 222).

Показательно, что даже в пределах самого адыго-черкесского ареала расселения существовали серьезные различия по степени «тотальности» миграционного движения, также в значительной степени связанные с уровнем системной влиятельности Порты в тех или иных горских сообществах. Максимальным оно было у западных черкесов, расселенных вдоль черноморского побережья (и на небольшом удалении от него) – поскольку именно море являлось одним из основных коммуникационных каналов между Турцией и черкесским миром.

«Прибрежные», количественно самые крупные черкесские племена (шапсути, убыхи, натухаевцы), покинули СЗК практически в полном составе. Расселенные на «второй» линии абадзехи, как и проживавшие за ними темиргоевцы, махашевцы, егорухавцы в результате эмиграции потеряли 60–70 % своей численности. Среди бесленеевцев и бжедугов, ареал проживания которых был задвинут в горы, мухаджиры составили порядка 40 % (табл. 2). Еще меньше потеряли расселенные в глубине Северного Кавказа кабардинцы. Не испытывая столь сильного информационного «облучения» со стороны Турции они дали в середине – второй половине 1860-х гг. только 17 тыс. переселенцев, сумев в полной мере сохранить свою численность и систему расселения.

Таблица 2. Численность и доля мухаджиров в отдельных черкесских сообществах (тыс. чел., %)*

Черкесские сообщества	Мухаджиры (тыс. чел.)	Горцы, оставшиеся на СЗК (тыс. чел.)	Доля эмигрантов (%)
Шапсуги	165,6	5,0	97,1
Убыхи	74,6	-	100
Натухайцы	45,0	0,17	99,6
Абадзехи	23,2	14,7	61,2
Темиргоевцы, махошевцы, егорухаевцы	15,0	6,0	71,4
Бесленевцы	4,0	5,9	40,4
Бжедуги	10,5	15,3	40,7

* Численность мухаджиров и горцев, оставшихся на Северном Кавказе (данные Е.Ж. Фелицина на 1871 г.) взяты из (Шеуджен и др.: 2004: 222, 225)

Наконец, серьезную роль в исходе горцев сыграла позиция черкесской светской элиты и духовенства, значительная часть которых в этот период по целому ряду серьезных причин (см. таблицу 2) была ориентирована на отъезд. По мнению ряда авторитетных исследователей, речь вообще идет о центральном факторе мухаджирства, как столь массового явления. Как замечает В.В. Дегоев: «вдохновители грандиозной кампании опирались, прежде всего, на настроения черкесской знати, которую не столько волновали военные или политические проблемы, сколько личные социально-экономические перспективы при русской власти» (Дегоев, 2009: 456).

Итак, именно сопряженные усилия двух империй (вечных геополитических оппонентов, в данном вопросе с разными целями желавших одного и того же) и собственной элиты, стали причиной того, что самая значительная часть черкесского населения СЗК выбрала эмиграцию. То, что потери на этом пути огромны, выяснилось очень быстро. С масштабными человеческими жертвами был связан каждый этап переселения – дорога к черноморским портам, ожидание транспорта, переезд в Турцию, расселение в различных провинциях Османской империи. В общей сложности «дорога» могла унести от трети до четверти переселенцев. Притом, что потери отдельных горских сообществ нередко оказывались и более значительными.

Но учитывая географическую широту и множественность маршрутов перемещения горцев; несовершенство имперских структур (как российских, так и турецких) ответственных за их транспортировку, размещение и учет, достоверная статистика мухаджирства отсутствует. Существующие количественные оценки, в конечном счете, оказываются столь же противоречивыми, как и остальная статистика связанная с демографией черкесов.

Тем самым, любой возможный расчет представляет экспертную интерпретацию имеющейся статистики, заведомо неполной и неточной. Действительно, по данным А.П. Берже, председателя Кавказской археографической комиссии, в 1858–1865 гг. в Порту выехало 470 тыс. горцев (Берже, 1882). Но в докладе комиссии по делу о переселении горцев в Турцию называются иные цифры – 495 тыс. человек («Черкесский вопрос», 2014: 19). Однако поданным турецких властей к 1867 г. на территории Порты оказалось уже 595 тыс. горцев. Причем данная статистика не включала тех, кто умер, уже находясь на турецком берегу (таких могло быть около 100 тыс. человек) (Рябцев, 2012: 48). Конечно, переселенцы попадали в Турцию не только морским путем. И, тем не менее, основная часть мухаджиров прошла именно этим маршрутом.

В любом случае данные российской и турецкой сторон далеко не в полной мере соотносятся между собой. Если же принять во внимание убыль горского населения на всех этапах его перемещения от своих аулов на Северном Кавказе до выделенных для него мест расселения в пределах новой родины, есть определенные основания полагать, что общая численность мухаджиров могла быть значительно больше и составляла порядка 900 тыс. человек (как, к примеру, считает А.Х. Касумов) (Касумов, 1992).

Данной цифре не противоречат и данные по черкесам оставшимся на СЗК. Согласно отчету главнокомандующего Кавказской армией в 1865 г. общая численность закубанских горцев составляла около 80 тыс. человек (Cherkasov et al., 2016: 385), а по информации Кубанского статистического комитета горцев было порядка 95 тыс., из которых черкесы составляли только 61 тыс. человек (Рябцев, 2012: 37). Согласно В.М. Кабузану их было к этому времени оставалось в субрегионе и того меньше (44 тыс. в 1867 году) (Кабузан, 1996: 215). В целом, сравнительный анализ различных источников позволяет говорить о 50–70 тыс. западных черкесов оставшихся на СЗК во второй половине 1860-х гг. С учетом их численности в начале данного десятилетия (0,7–1 млн.), 650–900 тыс. человек для самой приблизительной оценки числа мухаджиров представляется реальной величиной. И переезд в Турцию, с последующим пребыванием в лагерях беженцев и новым перемещением к месту постоянного жительства, как уже отмечалось, могла закончиться смертью примерно для 200–300 тыс. из них.

Причем по вине всех включенных в данное масштабное начинание сторон – как российских и турецких властей, так и самих горских сообществ, действовавших далеко не всегда предусмотрительно и оптимально, что усугубляло их и без того бедственное положение. Расчет «удельной» вины всех участников – процедура предельно сложная и неизбежно субъективная. Следует только заметить, что злого умысла в действиях российской и турецкой властей. Очевидно, что опыта по перемещению такого огромного количества людей у них не было. А учитывая невысокий уровень организационно-управленческой культуры в обеих империях множественные «накладки» были неизбежны. Каждая из них была чревата человеческими жертвами, а совмещение оборачивалось подчас катастрофическим результатом.

Испытания, выпавшие на долю тех, кто решил остаться на СЗК, были на порядок меньше. И этот факт сам по себе, является еще одним свидетельством того, что действия российской власти в отношении черкесов не являлись геноцидом. При наличии подобной задачи, завершить ликвидацию демографического максимально ослабленного черкесского населения не составило бы особого труда. Между тем столкнувшись со столь массовым исходом коренного населения российские власти уже с 1865 г. начали ограничивать эмиграцию, а в 1867 г. запретили её.

Иными словами политический курс, представлявший динамическую результирующую борьбу сторонников и противников оттока горцев за рубежи империи, изменился самым существенным образом¹. Впрочем, в дальнейшем он менялся еще не раз (в истории миграционной политики России на Северном Кавказе только во второй половине XIX–XX вв. исследователи выделяют шесть периодов) ([Черкесский вопрос, 2014: 15](#)).

Период адаптации черкесов оставшихся на СЗК к новым условиям своего существования оказался продолжительным и был весьма непростым. На это, в частности, указывает тот факт, что желавшие эмигрировать в Порту среди черкесов находились и спустя десятилетия после завершения Кавказской войны. В последней трети XIX в. несколькими волнами СЗК покинуло еще порядка 20 тыс. черкесов ([Касумов, 1992](#)). При общем их ограниченном демографическом потенциале, речь идет примерно об ¼ его части. Количество думавших об эмиграции было значительно больше. Показательно, что в 1891 г. почти 45 % жителей 23 черкесских аулов Екатеринодарского округа (7,75 тыс. человек из 17,3 тыс.) изъявляли желание выехать в Турцию ([ГАКК. Ф. 454. Оп. 2. Д. 700. Л. 4, 40б.](#)).

Несмотря на сложность коммуникации с ранее выехавшими соплеменниками, российские черкесы были информированы о жизни мухаджиров в эмиграции. И очевидно эта информация не казалась им слишком пугающей. По крайней мере, преимущества жизни на российском Северном Кавказе не были в это время слишком ощутимы, если значительная часть местных черкесов, по-прежнему, была настроена его покинуть.

Впрочем, констатируя широкое присутствие в черкесской среде эмиграционных настроений, не следует упускать из виду многофакторный характер их столь длительной актуальности. Помимо объективных сложностей адаптации черкесов к новому местожительству, иному этнокультурному окружению необходимо учитывать и работу всех других, ранее называвшихся причин, сохранявших свое присутствие и в последней трети века (в т.ч. пропаганду турецких эмиссаров, проосманскую позицию части княжеской верхушки и мусульманского духовенства). Волнения, происходившие во многих северокавказских сообществах на протяжении 1870-х гг., со своей стороны реанимировали в кругах российских управленцев идею массового выселения неудобного населения за пределы империи (достаточно вспомнить предложения Н. Буткевича и князя А.М. Дондукова-Корсакова) ([Шеуджен, 2004: 206-207](#)).

Данные идеи не были реализованы в качестве полномасштабного проекта. Но в управленческой практике местных властей (к примеру, той же Кубанской области) разрешение на выезд достаточно многочисленным группам горцев было достаточно частым случаем. Как результат, отток за пределы империи прекратился только в начале XX века. Последние значительные группы горского населения покинули пределы СЗК в 1900–1902 гг. (переселение 2,6 тыс. кабардинцев) ([Касумов, 1992](#)).

С этого времени численность черкесов и представителей других горских сообществ оставшихся в субрегионе стабилизировалась, а потом достаточно быстро пошла в рост (за период 1897–1926 гг. количество черкесов на Юге России выросло с 43 тыс. до 64,2 тыс. человек, а с учетом кабардинцев – со 110 до 140 тыс.).

4. Заключение

Итак, сумевшие выдержать Кавказскую войну и сохранившие к ее финальной стадии свою численность, черкесские сообщества Северо-Западного Кавказа по целой совокупности факторов не смогли/не захотели перенести военного поражения, и связанного с ним перехода к своему новому

¹ Хотя сохранение еще на некоторое время ранее взятого курса позволяло окончательно ликвидировать систему расселения горцев на СЗК, выдавив за пределы империи еще оставшееся черкесское население. Но данная задача была бы актуальной, если б речь действительно шла о геноциде.

положению в качестве государственных поданных Российской империи. На этом переходе от войны к миру подавляющая часть черкесского населения между существовавшими у него альтернативами дальнейшего существования выбрала эмиграцию, повлекшую кардинальную этнодемографическую трансформацию всего субрегиона и обернувшуюся для самих мухаджиров огромными человеческими жертвами.

В историческом плане, безусловно, выиграли черкесы, оставшиеся на Северном Кавказе. Но значительный масштаб и системный характер этого исторического выигрыша в полной мере определились много позже, в полной мере – только после революции 1917 г., позволившей черкесским сообществам создать ряд национальных автономий, получить максимальные по их этнодемографическому потенциалу административно-управленческие привилегии, а в дальнейшем значительную финансовую и социально-экономическую помощь. Благоприятные условия развития позволили этнокультурным «наследникам» черкесского мира в течение XX в. кратно нарастить свою численность в пределах СЗК, достигнув к 2010 г. почти 700 тыс. человек.

5. Благодарности

Статья подготовлена в рамках гранта Российского научного фонда Войны и население юга России в XVIII – начале XXI в.: история, демография, антропология (проект №17-18-01411)».

Литература

Берже, 1882 – *Берже А.П.* Выселение горцев с Кавказа // *Русская старина*. 1882. № 2. <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/kavkaz.html>

ГАКК – Государственный архив Краснодарского края.

Геноцид – Геноцид <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B4>

Дегоев, 2009 – *Дегоев В.В.* Кавказ и великие державы. М., «Рубежи XXI», 2009. 552 с.

Дзидзария, 1975 – *Дзидзария Г.А.* Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухум, «Алашара», 1975.

Жиляев, 2009 – *Жиляев Д.В.* К вопросу и мотивах и характере эмиграционных процессов на Северо-Западном Кавказе в конце 1820-х – середине 1860-х гг. // *Российский Северный Кавказ: текущие риски, посягательства и перспективы*. М. – Армавир, 2009. С. 43-52.

Кабузан, 1996 – *Кабузан В.М.* Население Северного Кавказа в XIX–XX веках. Этностатистическое исследование. СПб.: Блиц, 1996. 224 с.

Казанок, 1998 – *Казанок Т.А.* Выступление представителя МЧА Т. Казанок на IV Сессии комиссии Организации Объединенных Наций (ООН) по правам человека в рабочей группе по меньшинствам. 28.05.1998. Женева // http://www.elot.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2537&Itemid=5

Касумов, Касумов, 1992 – *Касумов А.Х., Касумов Х.А.* Геноцид адыгов. Из истории борьбы адыгов за независимость в XIX веке. Нальчик, 1992. 200 с.

Кубашичева, 2012 – *Кубашичева З.Ю.* К вопросу об этнолокализации западных адыгов в первой половине 60-х годов XIX в. <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-ob-etnolokalizatsii-zapadnyh-adygov-v-pervoy-polovine-60-h-godov-xix-v>

Матвеев, 2011 – *Матвеев В.А.* «Черкесский вопрос»: современные интерпретации и реалии эпохи. Исследование по прикладной и неотложной этнологии. № 226. М., 2011. С. 9-25.

Матвеев, 2011b – *Матвеев В.А.* Переселение горцев в Турцию: дискуссионные аспекты проблемы. CAUCASICA. Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. Т. 1. М., 2011. 86 с.

Милютин, 2004 – *Милютин Д.А.* Воспоминания. 1856–1860. М., Росспэн, 2004. 558 с.

Рябцев, 2012 – *Рябцев В.Н.* Черкесский вопрос, Олимпиада-2014 и политика Грузии на Кавказе. Ростов-на-Дону, Изд-во СКНЦ ВШ, 2012. 432 с.

Тишков, Перхавко, 2004 – *Тишков В.А., Перхавко В.Б.* Итоги Кавказской войны и переселения горцев Кавказа // *Вестник российской нации*. 2014. №1. С. 22-39.

Хотко 1993 – *Хотко С.Х.* Черкесские мамлюки. Майкоп, Адыгейское республиканское книжное издательство, 1993. 180 с.

Черкесский вопрос, 2014 – «Черкесский вопрос» (редактор В.А. Тишков). Экспертный доклад, М.: ИЭА РАН. 2014. 91 с.

Шеуджен и др., 2004 – *Шеуджен А.Х., Галкин Г.А., Тхакушинов А.К.* Земля адыгов. 2-е изд. перераб. и доп. Майкоп: ГУРИПП «Адыгея», 2004. 1004 с.

Цветков, 2011 – *Цветков О.М.* Черкесский вопрос: этноидеологические вызовы гражданскому единству // *Зимние Олимпийские игры 2014 в Сочи в фокусе информационных атак*. Ростов-на-Дону, СКНЦ ВШ ЮФУ, 2011, С. 72-88.

Cherkasov et al., 2015 – *Cherkasov A.A., Shmigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S.* Jikis and Jiketi in conditions of war and peace (1840–1860 years) // *Bylye Gody*. 2015. Vol. 38. Is. 4. pp. 888-893.

Cherkasov et al., 2016 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century // *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2. pp. 382-391.

References

Berzhe, 1882 – *Berzhe A.P.* (1882). Vyselenie gorcev s Kavkaza [Eviction of the highlanders from the Caucasus]. *Russkaya starina*. № 2. URL: <http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/kavkaz.html> [in Russian]

Genocid – Genocid. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%93%D0%B5%D0%BD%D0%BE%D1%86%D0%B8%D0%B4> [in Russian]

GAKK – Gosudarstvennyi arkhiv Krasnodarskogo kraja [The state archives of the Krasnodar territory]

Deгоеv, 2009 – *Deгоеv V.V.* (2009). Kavkaz i velikie derzhavy. [The Caucasus and the great powers]. Moscow: «Rubezhi XXI». 552 p. [in Russian]

Dzidzariya, 1975 – *Dzidzariya G.A.* (1975). Mahadzhirstvo i problemy istorii Abhazii XIX stoletiya. [The muhajirun and the problems of Abkhazian history XIX century]. Suhum: «Alashara». [in Russian]

Zhilyaev, 2009 – *Zhilyaev D.V.* (2009). K voprosu i motivah i haraktere eh migracionnyh processov na Severo-Zapadnom Kavkaze v konce 1820-h – seredine 1860-h gg. [To the question and the motives and character of immigration to the North-West Caucasus in the late 1820s – mid 1860s] // *Rossijskij Severnyj Kavkaz: tekushchie riski, posyagatel'stva i perspektivy*. M. – Armavir, pp. 43-52. [in Russian]

Kabuzan, 1996 – *Kabuzan V.M.* (1996). Naselenie Severnogo Kavkaza v XIX–XX vekakh. Etnostatisticheskoe issledovanie [The population of the North Caucasus in the XIX–XX centuries. Ethnostatic research]. St. Petersburg: Blits. 224 p. [in Russian]

Kasumov, Kasumov, 1992 – *Kasumov A.H., Kasumov H.A.* (1992). Genocid adygov. Iz istorii bor'by adygov za nezavisimost' v XIX veke. [Genocide of the Circassians. From the history of the struggle of the Circassians for independence in the XIX century]. Nalchik: 200 p. [in Russian]

Kubashicheva, 2012 – *Kubashicheva Z.Yu.* (2012). K voprosu ob eh tnolokalizacii zapadnyh adygov v pervoj polovine 60-h godov XIX v. [To the question about to localized time of the Western Circassians in the first half of the 60-ies of the XIX century]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/k-voprosu-ob-etnolokalizatsii-zapadnyh-adygov-v-pervoy-polovine-60-h-godov-xix-v> [in Russian]

Matveev, 2011 – *Matveev V.A.* (2011). «Cherkesskij vopros»: sovremennye interpretacii i realii eh pohi. Issledovanie po prikladnoj i neotlozhnoj eh tnologii. ["Circassian question": the modern interpretation of the realities of the era. Research in applied and emergency Ethnology]. № 226. M., pp. 9-25 [in Russian]

Matveev, 2011b – *Matveev V.A.* (2011). Pereselenie gorcev v Turciyu: diskussionnye aspekty problemy. [The resettlement of the mountaineers to Turkey: debatable aspects of the problem]. *CAUCASICA. Trudy Instituta politicheskikh i social'nyh issledovanij Chernomorsko-Kaspijskogo regiona*. T. 1. M. 86 p. [in Russian]

Milyutin, 2004 – *Milyutin D.A.* (2004). Vospominaniya. 1856-1860. Milyutin Memories. 1856-1860. Moscow. ROSSPEN. 558 p. [in Russian]

Ryabcev, 2012 – *Ryabcev V.N.* (2012). Cherkesskij vopros, Olimpiada-2014 i politika Gruzii na Kavkaze. [The Circassian question, the Olympics in 2014 and the policy of Georgia in the Caucasus]. Rostov-on-don, Izd-vo SKNC VSH. 432 p.

Tishkov, Perhavko, 2014 – *Tishkov V.A., Perhavko V.B.* (2014). Itogi Kavkazskoj vojny i pereseleniya gorcev Kavkaza. [Perchance the Outcome of the Caucasian war and the resettlement of the mountaineers of the Caucasus]. *Vestnik rossijskoj nacii*. №1, pp. 22-39. [in Russian]

Hotko, 1993 – *Hotko S.H.* (1993). Cherkesskie mamlyuki. [The Circassian Mamluks]. Maykop, Adygeya Republican book publishing house. 180 p.

Cherkesskij vopros, 2014 – «Cherkesskij vopros». Eh kspertnyj doklad. ["Circassian issue". Expert report]. (edited by V.A. Tishkov). Moscow: IEHA RAN. 2014, 91 p. [in Russian]

Sheudzhen i dr., 2004 – *Sheudzhen A.H., Galkin G.A., Thakushinov A.K.* (2004). Zemlya adygov. [The land of the Circassians]. Maikop: GRIPP "Adygeya". 1004 p. [in Russian]

Cvetkov, 2011 – *Cvetkov O.M.* (2011). Cherkesskij vopros: eh tnoideologicheskie vyzovy grazhdanskomu edinstvu [Ethno-ideological challenges of civil unity]. *Zimnie Olimpijskie igry 2014 v Sochi v fokuse informacionnyh atak*. Rostov-na-Donu, SKNC VSH YUFU. pp. 72-88. [in Russian]

Cherkasov et al., 2015 – *Cherkasov A.A., Smigel M., Bratanovskii S.N., Molchanova V.S.* (2015). Jikis and Jiketi in conditions of war and peace (1840–1860 years). *Bylye Gody*. Vol. 38. Is. 4. pp. 888-893.

Cherkasov et al., 2016 – *Cherkasov A.A., Ivantsov V.G., Smigel M., Molchanova V.S.* (2016). The Demographic Characteristics of the Tribes of the Black Sea Region in the first half of the XIX century. *Bylye Gody*. 2016. Vol. 40. Is. 2. pp. 382-391.

Мухаджирство: причины и масштабы переселения горцев Северо-Западного Кавказа

Сергей Яковлевич Суций ^{a, *}, Анвар Мирзахматович Мамадалиев ^{b, c}, Светлана Федоровна Артемова ^d

^a Южный научный центр Российской академии наук, Российская Федерация

^b Международный сетевой центр фундаментальных и прикладных исследований, Российская Федерация

^c Восточно-европейское историческое общество, Российская Федерация

^d Пензенский государственный университет архитектуры и строительства, Российская Федерация

Аннотация. На протяжении всей Кавказской войны горские общины Северо-Западного Кавказа сохраняли свой демографический потенциал. Однако, по ряду причин, после военного поражения они не смогли (или не захотели) адаптироваться к новой ситуации в качестве подданных Российской Империи. При переходе от войны к миру подавляющее большинство горцев этого субрегиона Кавказа между существующими альтернативами выбрали эмиграцию. Это решение и последующий уход в Османскую империю спровоцировали кардинальную этнодемографическую трансформацию всего Северо-Западного Кавказа. Для горцев эмиграция закончилась огромным количеством жертв (по пути погибло 25-30 % всех переселенцев). В статье использованы сведения из различных научных трудов о масштабах миграции различных горских сообществ и понесенных ими убытках.

Дальнейшая демографическая, социально-политическая, социокультурная динамика горских общин подтвердила, что те из них, которые предпочли остаться на Северном Кавказе, исторически победили. Однако эта историческая премия стала совершенно очевидной лишь во второй четверти XX века, спустя многие десятилетия после завершения Кавказской войны.

Ключевые слова: мухаджирство, Кавказская война, горцы Северо-Западного Кавказа, этнодемографические процессы, демографическая статистика.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: ss7707@mail.ru (С.Я. Суций), anvarm@mail.ru (А.М. Мамадалиев)